

ГЕОМАН

Орден
Святого Бестселлера

Генри Лайон Олди

**Орден Святого
Бестселлера,**

или

Выйти в тираж

Однажды Влад Снегирь, модный писатель-фантаст и легкомысленный молодой человек, узнает, что теперь он — рыцарь Ордена Святого Бестселлера. Сочтя это дурной шуткой, Влад ошибся. Впереди у него были девять кругов весьма своеобразного «процесса», дружба с Серебряной Гарпией, знакомство с Книжным Червем и деловое предложение «убить героя».

Роман во многом посвящен тайнам литературного творчества — странный, удивительный, неожиданный, насквозь пронизанный поэзией и глубоко личный «оптимистический трагифарс». О чем он? О взаимоотношениях Большой литературы с коммерческой? О том, как часто первая похожа на вторую? Как размыты границы между ними? Об ответственности писателя за свои творения — и перед своими творениями? Не все подтексты, наплывающие один на другой, можно проанализировать и разложить по полочкам. Можно только почувствовать, заблудиться в ассоциациях — и понять, что так и надо.

Оглавление

Генри Лайон Олди Орден Святого Бестселлера, или
Выйти в тираж

Часть первая Снегирь — птица гордая

I. Сонет о больном вопросе (эрзац-пролог)

II. Отсебятинна: «Лучший-из-людей»

III. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, с перерывом на
черепно-мозговое

IV. Отсебятинна: «Лучший-из-людей»

V. Хокку «На пороге старости размышляю о
вечном»

VI. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, с выходом на
балкон и в чат

VII. Отсебятинна: «Лучший-из-людей»

VIII. Рубаи из цикла «Обитель скорбей»

IX. Дорога дальняя, казенный дом с перерывом
на воспоминания

X. Отрывок из поэмы «Иже с ними»

XI. Отсебятинна: «Лучший-из-людей»

XII. Открытие, плавно переходящее в бар и бред

XIII. Интервью: «Влад Снегирь от заката до
рассвета»

XIV. Хокку «Близясь к просветлению, размышляю
в соснах»

XV. «Харакири по-польских», насильственная
компенсация и немой годзилла

XVI. Отрывок из поэмы «Иже с ними»

XVII. Отсебятинна: «Лучший-из-людей»

XVIII. Цацки, пецки и концерт для гобоя с
оркестром

XIX. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, телефон
(дом.) 43-98-02

XX. Отрывок из поэмы «Иже с ними»

Часть вторая Охота на меня

- I. Баллада о великой суете (Эрзац-пролог-2)
- II. Великий хлопчатобумажный путь
- III. Королева в предчувствии гильотины
- IV. Басня «Эстет и дуб»
- V. Нежный червь мечтает о снегире, или Кляксы, увы, сохнут
- VI. Картина маслом: Сивилла ждет на скамеечке
- VII. Монолог скептика из пьесы «На земле и на башнях»
- VIII. Ноги лучшего-из-людей и удача куриного льва
- IX. Королевский путь
- X. Хокку «Любуясь детьми, постигаю истину»
- XI. Чижик-Пыжик, где ты был? — в двух частях из чистой вредности
- XII. Уездный городок N, или Девять кругов карусели
- XIII. Чижик-Пыжик, где ты был? (продолжение)
- XIV. Диван Судьбецов говорит: бип! (запись в архиве В. Снегиря)
- XV. Чижик-Пыжик, где ты был? (продолжение-2)
- XVI. Отрывок из поэмы «Иже с ними»
- XVII. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31: давний марьяж червей
- XVIII. Моралитэ
- XIX. Театр военных действий: доживем до антракта?
- XX. Королева, рыцарь и червь
- XXI. Рыцарь листает страницы, а маг размышляет о милосердии...
- XXII. Романсеро «славный рыцарь...»
- XXIII. Сердце лучшего-из-людей еще бьется
- XXIV. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, ночь

Часть третья Острый приступ эпилогофилии

- I. Кварта лимериков

II. Рецензия «Запах живых денег»,
«Литературная газета», № 25 (467).
III. Рубаи из цикла «Обитель скорбей»
IV. Соло для Снегиря без оркестра
V. Внезапное

Итак, пять правил писательского успеха:
первое: вы должны писать;
второе: вы должны заканчивать написанное;
третье: вы должны воздерживаться от переделки, кроме случаев, когда на изменениях настаивает редактор;
четвертое: вы должны выйти с вашим произведением на рынок;
пятое: вы должны держать его на рынке, пока его не купят.

Р. Э. Хайнлайн. «Как стать фантастом» (лекция, 1973 г., Аннаполис)

Часть первая

Снегирь — птица гордая

Говоря по существу: к черту фантазию, она не нужна, она не помогает нам заглянуть дальше собственного носа, если бока ее не вздрагивают, как у ретивого охотничьего пса.

Карел Чапек

I. Сонет о больном вопросе

(эрзац-пролог)

Я — пасынок Большой Литературы.
Ропщу ночами и не сплю с женой.
Скажите, с кем вы, мастера культуры?!
Не знаю, с кем, но только не со мной.

И критики стоят ко мне спиной —
Филологов высокие натуры
Не переносят мерзкой конъюнктуры
И брезгуют столь низко павшим мной.

Иов на гноище, вечно пьяный Ной —
Таков я есмь. Микстуры мне, микстуры!
Читатель глуп. Читательницы — дуры.
Поп? Попадья? Нет, хрящичек свиной.

И все же я живуч, как лебеда.
Не мне беда, ребята. Вам — беда.

II. Отсебятинa: «Лучший-из-людей»

Талантов особых за автором не числится, стилем Бог не наградил, воображения невеликого, потому и решил уж так соригинальничать, до того поразить читателя новизною, чтоб век не опомнился. Поразил. Для кого писано-то? Сдается, что специально сатирическому журналу на поживу...

Из рецензий на книги В. Снегиря

Боже, как мне надоела эта гнусная каморка в храме Тетушки Кривой на окраине Ла-Ланга! Паутина, хлопья пыли, запах плесени и фруктов, мирно сгнивших за стенами, тяжкий аромат сандала — от курений даже стены, даже камень ноздреватый пропитала злая сладость, мать ее и перемать...

Будучи раздражен или волнуясь, я всегда начинаю мыслить белым хореем. Компенсаторная функция психики вместо банальщины «лексического ненормата». Дактиль для сугреву, амфибрахий — дом казенный, дорога дальняя, анапестом я похмеляюсь, а если после пятой-шестой стопки кубарем скатываюсь в ямба («ямбец», как шутила Настя до развода), то однозначно — скоро дам кому-то в морду. К счастью, под рукой нет ни подходящей морды, ни поводов для ямба. Под рукой, под ногой, я озябший и нагой...

Честно говоря, под рукой вообще ничего нет, кроме холщовых портков с безрукавкой, которые я мрачно натягиваю на вопиющий от сквозняков организм. Присаживаюсь на сундучок с храмовой утварью. Острый угол крышки — резьба по кипарису: Старец-Облако злобствует на упившихся Вержегромцев — врезается в ягодицу. Сижу, брюзжу. Без особого энтузиазма: могло быть хуже. И было. Думаю, редкому демиургу вульгарис довелось приложить столь титанические усилия, дабы

обзавестись камеркой, вся ценность каковой — укромность. Возжелав *натворить* сей шедевр зодчества, я долго чесал в затылке и вычесал нашествие диких бендулов, захлебнувшееся в конце Эры Удручения под дубиной партизанской войны и мощью военного гения Виджай-Ниграма Лопоухого, прозванного злопахателями Слоном. Мучаясь страхом, что бендулы разграбят и без того нищий храм, тогдашний настоятель — рехнувшийся на почве аскезы скопец-извращенец — велел отвести угол за алтарем Кривой Тетушки под тайник, спрятал там часть пожертвований, утварь и одежду, после чего отравил строителей пылью шмель-бобов, во избежание... Сам же над трупами сублимировал муки совести, поднял их в мозжечок по каналу Дуй-Для и удалился во Свояси, завершив цепь рождений.

Как ни странно, идея прижилась, пролог «Лучшего-из-Людей» схавал и благополучно переварил нововведения, отторгнув лишь муки совести (видимо, за недостоверностью...), а я наконец смог прекратить свои явления народу голышом. Заодно сделав храм заброшенным, посещаемым лишь редкими неудачниками, рискнувшими воззвать к Кривой Тетушке, — для пущей надежности.

Короче, спи спокойно, дорогой товарищ.

Прихватив на память ларчик из посеребренного олова, трогаю спусковой камень. Умели строить покойнички! Сперва в глухой стене образуется еле заметная щель, позволяя осмотреть молельню. Если торчат посетители, надо снова тронуть спуск — и в тишине камерки дожидаться ухода незваных гостей. Мне везет: перед алтарем никого нет. Снаружи течет сырой кисель рассвета, вымазывая известкой деревянные колонны портика. Щель расширяется, приглашая окунуться в прохладу утра. Следовало бы, конечно, натворить какую-нибудь шубейку, но сразу не подумал,

а теперь поздно. Хорошо хоть климат в Ла-Ланге теплый. Даже жаркий.

Это я молодец, без ложной скромности.

Когда иду через сад, собаки уже ждут. Здоровенный барбос Чудик-Юдик с достоинством метит территорию, задрав косматую лапу. Между прочим, черный терьер, «собака Сталина». За вожакom, разлегшись на травке, сладко зевают два министра: кусачий чау-чау Брыль и шарпей Мордач 1-й. Дальше — верноподданные шавки. Борзые, сеттеры, ризеншнауцеры, левретки, пекинесы, бульдоги... Что показательно, ни одной дворняги. Дворняг, приносящих в дом счастье на пять поколений, в Ла-Ланге можно купить лишь за сотню казенных башликов, и выгнать сокровище на улицу не решится самый закоренелый кинофоб. Ибо месть богов неотвратима. Помнится, я страшно гордился выдумкой. Дела давно минувших дней... Троица лидеров с достоинством ждет ритуала дружбы. Лобызание с Чудиком-Юдиком, шутейная свалка с Брылькой, а шарпею надо будет натянуть на голову всю шкуру с задницы. Мордач это любит. Еще в первую встречу, разорвав добычу вдребезги, но не сумев отобедать по причине «пшика» (о «пшике» позже...), псины прониклись ко мне гигантским уважением. Оставив в дальнейшем любые попытки насилия.

— Ух вы мои... зубастые, злющие...

Все. Можно идти дальше.

У меня в наличии уйма планов. Обменять ларчик на обед в харчме старого Хун-Хуза, ущипнуть за грудь пышку-служаночку, послушать сплетни. В разговоры не вступать: к тихим бродягам здесь относятся равнодушно, это выяснилось еще с первого визита к Хун-Хузу. Выпить манговой фьюшки. Лучше светлой, она кислее. Почуяв приближение «пшика», слинять обратно в храм. Или хотя бы выйти из харчмы. Я столь

явственно представляю будущие действия, что кажется, будто они уже в прошлом.

Шаткий мостик через Грязнуху.

Пятеро людей сидят на корточках возле шалаша курьих пастухов. По углам пентаграммы, начерченной палкой прямо на земле. Бояться, в сущности, нечего, но ноги каменеют, а на лбу выступает испарина. Взятки с меня гладки, убивать не за что, да и бесперспективно оно — убивать меня, беднягу, тихо шедшего куда-то... Липкий ужас, ты откуда? Страх, скажи: откуда взялся? Почему я робко прячу тело жирное в кустарник, где колючек много больше, чем желал бы обнаружить?! Я от белого хорея заикаюсь и дурею, в панике, объявшей душу, я смотрю исподтишка — пять недвижных, пять спокойных, пять в широкополых шляпах, пять в плащах без капюшонов. Слово пятерня ладони перед сжатием в кулак.

— Вот она!

И в мертвой хватке, тихо взявшись ниоткуда — закричав, забившись! — тело, ослепляя белизной...

III. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, с перерывом на черепно-мозговое

Мне кажется, Влад Снегирь прекратил творчество и начал зарабатывать денег. Если его ранние книги создают настоящий театр, с вешалкой, подмостками и актерами, то последние тексты... Да, есть вешалка, подмостки и актеры, но театр — кукольный. Сложил, сунул в карман, пошел дальше. С каждой книгой — все хуже. Причину можно изложить очень коротко: эксплуатация одного набора психологических профилей персонажей и одного стиля.

Из отзывов читателей

Сдох, скис, исписался!

Кураж, где ты?! — не говоря о таланте, которого у меня, видать, сроду не водилось. Кураж, тираж...

Мираж.

Работа стояла насмерть, как ополченцы на стенах осажденной Дангопеи. Надо было брать город штурмом, учинять резню в переулках и, после дозы подвигов, — гнать наивного лопуха Бут-Бутана, Куриного Льва, дальше, за Канборнский хребет, в поисках расчлененки Лучшего-из-Людей. Особых препятствий вроде бы не предвиделось. В смысле, у меня, любимого не предвиделось. Зато героям звезды обещали кузькину мать по полной программе. В плане черным по белому: засада горных гульденов, чернокожий маг-психопат — адепт секты Насильственного Милосердия, Ущелье Безнадежно-Входящих (неприменно с заглавных букв, назло надменному эстету!)... Бери перо, ваяй нетленку. А тут, нате-здрасте, приступ творческой импотенции. Битвы-байты-килобайты, весь этот квест задрипанный вдруг опостылел до тошноты: фальшь, чушь, высосано из оттопыренного пальца. Мир гнилой, персонажи — картон Жидачевского комбината...

И я, автор, кумир молодежи — шабашник-графоман.

Прошу не любить и не жаловать.

Душно, братцы. Скучно. Яду мне, яду!.. Сдохни герои от чумки — по барабану. В расстроенных чувствах, с горя-облома, сунулся в сеть. Выкачал почту: фигня. Маета и томление духа. «Дарагой Влад пеши больше я от тебя балдю. Твой фан Godzilla». Куча спама. Ага, повторное приглашение на конвент. Оргкомитет? — нет, от издателя. Чего волнуешься, барин? Неужто я, «дарагой Влад», такое «большое ЦэБэ»?! Приеду, кормилец, приеду, и водочки с тобой выпью, и бумажечки подпишу, бумажулечки, бумажоночки... Не уведомили тебя, болезного? Исстрадался весь?! Хорошо, лови персональную цидулю: так, и так, и растак, буду. С благодарностью за хлопоты. С уважением. С наилучшими пожеланиями. И подпись: Влад Снегирь.

Уехало.

По форумам лазить раздумал — при моем теперешнем сплине от ихнего бардака одно расстройство желудка. Возьмут слово «жопа», хохмачи виртуальные, повторят раз триста и сообщают: «Интегральные характеристики предложенного текста позволяют утверждать, что автором отрывка с вероятностью 62 % является Влад Снегирь...» Это, значит, тонкая шутка. Пиршество интеллекта. Короче, закрыл окно «Netscape», чтоб не дуло. Тупо воззрился на последний абзац текста, видя отчетливый кукиш с маком. Слушайте, а кто придумал это мерзкое слово: «абзац»?! Небось мизантроп и параноик, убийца тараканов. Ладно, долой рефлексию и ура творчеству. Итак:

«Град стрел ливнем обрушился на северные башни. Казалось, сам камень древнего города взвыл от боли. Но мужество защитников было крепче камня: пекари, сукновалы, дубильщики и ювелиры, — вооруженные кое-как, наспех, неумелые, но яростные, дангопейцы держали борону...»

Подумал.

Исправил «борону» на «оборону». Поржал над «град — ливнем».

И грохнул всю эту чепуху на фиг.

Лечь, что ли, вздремнуть? И видеть сны, быть может? Боже, как мне надоела эта тесная каморка!.. Перетрудился, инженер душ? Вместо штурма и квеста, столь возлюбленных мудрым фаном Godzilloй, вместо верного куска хлеба, — о чем изволите грезить? О храме Кривой Тетушки? О вшивом городишке Ла-Ланг, который твои герои благополучно покинули еще в первой части романа? Трехскатные крыши, крытые дубленой кожурой местных арбузов, Чудик-Юдик со стаей, пентаграмма из людей в плащах... Загадочная штука — наше подсознание. А мое подсознание и вовсе тайна великая. Ну, сны. Чудеса мозговой грыжи. Ура, сбрендил! Плевать на штурм Дангопеи! — желаю странного. Тишина, оскомины манговой фьюшки, тайник за алтарем, настроение вместо действия, белый-белый хорей... Я-то, может, и желаю, а Его Величество Сюжет быком прет в Дангопею, под град стрел, который ливнем, и с бороной наперевес!

...Стоп, машина!

А кто, собственно, сказал, что герои непременно должны идти куда подальше? Я сказал?! Так я личность творческая, непредсказуемая. Пускай Бут-Бутан найдет левую ногу или печенку Лучшего-из-Людей не в замке рыцарей Круглого Ствола, а в родимом Ла-Ланге! Опять же блестящий поворот: когда герои одолели три четверти пути, развернуть их и пинками погнать обратно! «Оригинально-с!» © поручик Ржевский. Нужна лишь веская причина, дабы обратить квестунов вспять: знамение, пророчество, глас из колодца: «Я, великий бог Ахура-Вольво, истинно реку вам...»

Телефон, тварь голосистая, заорал как раз поперек вдохновенья.

— Ой, Вова! Ой! Ой, горечко-то!

— Доброе утро, Анна Ильинична.

Это надолго. Все время забываю, кем мне приходится свекровь родной сестры. Седьмая вода на киселе? Кладу трубку на стол: Анна Ильинична — мастер монолога. Поддакивать необязательно, она сама справится. Небось молоко сбежало, а Танька на работе, а Эсфирь Остаповна говорит, что СПИД — чума на оба ихних дома, и скоро квартплата подорожает, потому как террористы, и все депутаты — обман зрения...

— Ой, бурулька! Здорова така бурулька!.. Вовочка, ты чуешь? Аж сердце захолонуло! Я валокордину накапала...

Похоже, малой кровью не отделаюсь.

— Ну, вызовите «Скорую», если сердце!

— Та уже ж! «Скорая» Танечку и забрала...

— М-мать! Нет, это я не вам... Что с Танькой?!

— Та кажу ж: бурулька! Як ляпнулась, гадюка... Ой, божечки! А Костик, шоб он сказывся, на конхверенции, а Ладочка бухыкает, лобик горяченький, я выйти не могу...

— Куда увезли? В неотложку?!

— Ой, Вовочка! Ой...

Это она права. Таки ой.

* * *

Выметаясь к пастбищу такси, я опасливо косился на чудовищные фаллосы изо льда — крыши и карнизы были сплошь усеяны этими подарочками февраля. Черт побери, а почему они в Москве — сосульки, а у нас — бурульки? Потому что в Москве их сосут, а у нас ими бурят? Буровят?! Бурулят?! Особенно если этажа с шестого забурулит...

— К неотложке, шеф!

— Поехали. «Маячок»! Я 35-16! Везу клиента в неотложку!

— Счастливого пути вам и пассажирам!

Всю дорогу я был благодарен «Маячку» за ласку.

Жирную гиппопотамшу в гардеробе больницы угнетала лень. Вставать лень, куртку мою на крючок вешать лень, номерок выдавать... Ее ожидал раскрытый на середине супер-пупер-бестселлер. «Купе?..» — я присмотрелся. Нет, хуже. «Купель Купидона-2», серия «Мини-шарм»: на обложке раскинулась томная от недосыпа дива, сплошь объята знойным мачо. На правой руке у мачо было шесть пальцев. Знакомые шуточки: Сева Ермаш, мой приятель-художник, замучившись с доставучим худредом, дождался приема работ и выхода книги в свет, сунул худреду в нос свежий, пахнувший краской экземпляр: «Считай!» «Что считай?!» — изумился худред. «Пальцы!» И когда худред обнаружил у всех персонажей на всех утвержденных им иллюстрациях по шесть пальцев, Сева сладострастно возопил: «Вот! Вот!!! Твое, козел, дело: не меня живописи учить, а пальцы заранее считать!»

Гулко возвратясь, гиппопотамша швырнула номерок на стойку, как собаке кость, — и с разбегу нырнула обратно в «Купель».

Аж брызги до потолка.

Где у них тут журнал приема? Тощенькая бабуся на санпропускнике шуршит страницами: в семь сорок утра... Татьяна Беглова... черепно-мозговое, палата № 6...

Символичность номера угнетает.

Но недолго.

Наглость — второе счастье. Свернув за угол, быстро облачаюсь в белый халат — память о проказах юности. Еще учась на третьем курсе бурсы, бегал сюда проводить душеньку-медичку, маскируясь под белую

и пушистую ниндзю-черепашку. Тут главное: спецодежду нацепил, морду кирпичом — и вперед, «с лица необщим выраженьем». Верней, с общим. Тогда примут за медбрата. Что ж, Влад Снегирь, умов властитель, тряхнем стариной? Сейчас, пожалуй, и за врача сойду. У вас, больной, гангрена левого полушария! Клавочка, запишите: гильотина, УВЧ и пассировать в масле до появления золотистой корочки!..

Так, второй этаж, черепно-мозговое отделение. Матовая стеклянная дверь. Сбоку от входа грозитя сакраментальное «Посторонним В.». Минздрав предупреждал: вторжение опасно для нашего здоровья. Плевать! Все его не замечали, а проворный Белый Ниндзя резво шел по коридору. Морщась, воздухом дышал он: пахнет супом, пахнет хлоркой, страхом, потом... Ненавижу эти запахи больницы! До сих пор я удивляюсь: как больные человеки могут оживать в миазмах?..

Это у меня нервное. Волнуюсь я за Таньку. До чертиков волнуюсь. До зубной боли. Вот и веселю сам себя, подзуживаю, строю карточный домик шуточек: несмешно, глупо, а помогает.

Давно проверил: помогает.

Все лучше, чем ныть.

— Простите, доктор, а Генрих Константинович сегодня со скольких?

— Генриха Константиновича не будет от стольких до воскресенья. Он улетел в Буркина-Фасо, на симпозиум трепанологов. Но обещал вернуться. Милый, милый...

Тетка в мятой пижаме моргает коровьими ресницами.

Белый Ниндзя удаляется.

Вот и палата номер шесть. Осторожно приоткрываю дверь на два пальца. Воображение со злорадством садиста рисует: бинты, кровь на виске, всхлипы товаров

по несчастью. Бесчувственное тело трогательно свернулось калачиком под простыней. На простыне — казенный штамп. Синий-синий, будто гематома. Танька, бедолага, младше меня на десять лет и все норовила догнать: рано замуж выскочила, рано Ладочку родила...

— ...нет, чувихи, прикидываете?! Без машинки, без оверлока, двое суток как проклятая!..

Меня накрывает звуковая волна. Знакомая с отрочества. Вот она, сестрица моя, бурулькой ушибленная, — на койке у окна. Тараторит без умолку. А свекровь рыдала: помирает, уши просит... Ага, разбежались!

Решительно вторгаюсь в палату.

— Привет, Танюха! Как жизнь молодая? Были б мозги, было б сотрясение?!

— Вовка! Привет! Вечно ты со своими приколами... У тебя часы есть? Сколько времени?!

Гляжу на циферблат.

— Без четверти час. Дня, — уточняю зачем-то.

— Ну, чувихи! Ну, даю! Четыре часа в бессознанке! А кажется, будто пару суток. Ой, Вовик, мне такие чудеса привиделись! Не поверишь! Я уже девочкам рассказала, а они смеются...

Окидываю взглядом контингент. Три остальные койки оккупировали дамы-мадамы, из которых «девочкой» можно назвать лишь одну. С большого бодуна.

— Вовик, зараза! — Танька обижена невниманием родного брата к ее чудесам. — Ты слушаешь или где?! Выхожу из подъезда, сворачиваю к «Лампе Аладдина» (секонд-хэнд новый, на вашем углу...), и тут рядом — бомба! Ба-бах! Я с копыт, глядь: а меня уже волокут куда-то. Голую! Я визжать, а им хоть бы хны! Пять чучмеков, блин! Ну, думаю, хорошо, если изнасилуют, а если напугают?! Улицы кривые, халупы, вонища... Ноги по дороге сбила, босиком-то. А они, гаденыши, меня

продали. Как рабыню Изауру. Прикинул?! И я два дня, дура дурой, галуны к мундирам пришивала. Тупой иглой. Все пальцы себе исколола... А эти смеются! Чувихи, вас бы туда...

Татьяна гордо вздергивает нос. Еще бы, наши глюки — не для скуки!

— Рабовладельцы хреновы! Прикинул, Вовик?! Четыре часа без чувств, и то отдохнуть не дали. Гады!

«Девочки» откровенно ржут басом.

— Что врач говорит? — Я стараюсь придать лицу озабоченное выражение, хотя Танька явно живее всех живых.

Отставная рабыня машет рукой с ужасающим легкомыслием:

— А ничего не говорит! Пусть только явится, коновал! Я ему... Нашел больную! Небось Жорик, — это ее шеф-цеховик, лицо кавказской ориентации, злой черкес и вождь делаваров, — матом кроет: нам сегодня партию «алясок» сдавать. Костя уехал, у Ладочки ОРЗ, свекруха, коза старая, с ней сидит... Некогда мне разлеживаться!

— Остынь, Танюха. Полежи до завтра, расслабься. Мало ли... Не сдохнет твой Жорик с «алясками»! Я Анне Ильиничне позвоню, скажу: пусть в ателье сообщит.

— Что вы здесь делаете? Кто вас сюда пустил? Больную нельзя беспокоить, у нее предполагается сотрясение мозга! Немедленно покиньте палату!

Ага, мою Таньку побеспокоишь! Она сама кого угодно побеспокоит...

Усатый айболит тянет меня за хлястик:

— Я кому говорю?!

— Прошу прощения... — Чуть не ляпнул: «Прощения просим, благородный дон!» — Я брат... э-э-э... сотрясенной. Мне позвонили, я сразу примчался...

Усы айболита теряют воинственность.

— Тем не менее я все же попрошу вас покинуть палату.

— Да-да, конечно. Пока, Таня. Выздоровливай!

«Сестрица Алenuшка» театрально охает, притворяясь мученицей. За что и любим стрекозу.

— Простите, вы ее лечащий врач?

— Да.

— Как вас зовут?

— Генрих Константинович.

— Генрих Константинович, можно вас буквально на пару минут? Вы понимаете, у нее в детстве была травма головы...

За дверью палаты, угорев от смеха, хрюкают «девочки».

* * *

Анне Ильиничне я позвонил с мобильного, прямо из такси. Чудо-заклинание «Я с сотового!» действует на Танькину свекровь безотказно. Слово «сотовый» ассоциируется у нее со словом «мед», тот, в свою очередь, тянет за собой «рынок» и «драть три шкуры», а дальше цепочка достраивается до «оплата разговора». Такие ассоциации Анна Ильинична уважает. Местами даже благоговеет. Посему отделался я от говорливой свекрухи быстро. Утешил, ободрил и откланялся.

— Приехали, шеф.

Хлопнув дверцей, выхожу в туман, мутный, как буряковый самогон.

У подъезда топталась «сладкая парочка»: знаменитый меж гражданами бомж Горец и его закадычный дружбан, спившийся котельщик Федор Михалыч. На вид — два сапога, одинаковых с лица. «Я, красавица, не сексуальный маньяк, а алкаш-собеседник!» Но если котельщик ничем, кроме имени-

отчества, примечателен не был, то Горец свое прозвище оправдывал со старательностью идиота. Однажды его пустили погреться на сеанс в видеозал («точку» все равно на днях закрывали за неуплату аренды), и фильм с Кристофером Ламбертом потряс беднягу до основания. Бомж уверовал и проникся, при каждом удобном случае пересказывая сюжет всем желающим. Вплоть до собак и кошек. В его пересказе средненький «голливуд» делался эпосом древности: там царил гений, парадоксов друг. Особенно мне запомнился взрыв АТС, когда в бессмертного Ламберта, наполняя энергией, вместо молний лупили обрывки чужих разговоров. Я прям-таки обзавидовался фантазии Горца. Также бомж полюбил орать по поводу и без: «Остаться должен только один!» Здесь крылся тайный смысл, ибо неуязвимость бомжа была под стать его кинокумиру. Дважды горел в им же устроенных пожарах, попадал под грузовик-мусоросборник, огребал тяжелыми предметами по голове, страдал в зубах ротвейлеров с питбулями, травился дустом и крысиным ядом, на спор залпом выпил бутылку метанола... И всякий раз не просто оставался жив: несокрушимость его здоровья вошла в список легенд нашего района. Даже участковый Поросюк, редкой души мент, при встрече с бомжем ласково ронял: «Когда ж ты сдохнешь, падлюка?»

«Падлюка» безнадежно икала, разводя руками.

— Ы-ы-ы, Володя... — сипло поздоровался Горец, с тоской взирая на новенький кодовый замок. Плети дикого винограда, черные и сухие зимой, свисали с балконов, их вид погружал душу в пучину меланхолии. Ощувив приступ милосердия, я ткнул в нужные цифирки. Замок ответил за распальцовку, щелкнув затвором трехлинейки.

Люмпен-приятели мигом просочились следом, в теплое нутро подъезда.

— Мы тово... погреться. Зябко там, Володя. Мы ж, значит, культурно. Если чево, и налить можем...

Интересное предложение. А что? С кем вы, мастера культуры? Надо быть ближе к народу. Сесть на грязную ступеньку, тяпнуть из горла «ряженки», занюхать хлебцем из мусорки. Красота!

— Спешу, Горец. В другой раз.

— А... ну, спеши, быстрее жизнь минет...

Хрен с ними. Пусть греются. Лишь бы в подъезде не гадили. Хотя нет, Горец — аккуратист. Блевать непременно во двор уползал, в любом состоянии.

Запирая за собой дверь квартиры, слышу умиротворенно-риторическое:

— Стаканы взял?

— Обижаешь! Эти... одноразы...

А я, наивный, — «из горла»! Аристократический нынче бомж пошел. Рост благосостояния масс. Бокал «Губернаторской», ломтик сосиски, полуденная сиеста в гранд-подъезде... Аж завидки берут. Лечь, что ли, самому? Придавить часок-другой? Подскочил сегодня ни свет ни заря, от зевоты в такси чуть челюсть не вывихнул...

Разумеется, телефон сразу откликнулся на эту идею гнусным мявом. Словно на шнур ему, гаду, наступили. Межгород, однако.

— Алло!

— Владимир Сергеевич?

— Да, я слушаю.

— Здравствуйте, дорогой! Это вас беспокоят из «Аксель-Принт». Заместитель главного редактора по особым вопросам.

Судорожно пытаюсь вспомнить, как зовут моего собеседника. Я-то в издательстве большей частью с завредом по фантастике общаюсь. Нормальный парень, мы с ним давно на «ты», безо всяких «Сергеевичей».

— Здрасьте... Простите, не помню...

Он словно чувствует мои судороги:

— Зовите меня просто: Антип Венецианович! Вы слышите?

— Слышу, конечно!

— Владимир Сергеевич, дорогой, вы на «МакроНомиКон» собираетесь?

— Да, конечно. Я вам утром ответ по Интернету послал.

— Ну, сами знаете: почта — дело ненадежное! Я хотел лично убедиться...

Откуда такое внимание к моей скромной персоне? Премию решили на конвенте вручить? Ага, Нобелевскую! Раскатал губы!

— Знаете, нам нужно будет подписать бумаги. Ведомости по январским выплатам, контракты на допечатки... Дорогой мой, вы в курсе, что доптираж «Имперцев» стоит концом марта?

Далось ему это — «дорогой»! Пусть я и впрямь недешевый, но так вот грубо намекать, в лоб...

— Да, в курсе. Спасибо, Антип... э-э-э... Венецианович.

— Чудненько! Вот и оформим на «МакроНомиКоне». Так вы точно будете?

Банный ты лист, зам по особым!

— Точно! Уже билеты купил.

— Я и говорю: чудненько! А как ваш новый роман продвигается?

— Нормально.

— Ни дня без строчки?

— Ага... Ни дня.

— Весной закончите? Хотя бы к маю месяцу?! Тут читатели весь сайт письмами завалили. Торопят. И дилеры боятся в летний спад угодить. А так мы сентябрем и тиснем, на подъемчике! Значит, май? Или апрель?

— Ну-у... не знаю. Боюсь загадывать.

— Может, имеет смысл заключить авансовый договор?

— Не имеет. Понимаете, Антип Венецианович...

— Да-да, я понимаю!

Понимаешь — тогда зачем спрашиваешь? Не шибко я принципиален меж собратьев по перу (верней, по клавиатуре), но бумаг на будущие тексты не подписываю. Обжегся однажды. На заре карьеры подмахнул договорчик на только-только начатый романец. Очень уж по читателю тосковал. И бабок срубить хотелось. Срубил, мать его за подол: текст уперся рогом, забуксовал, сроки поджимали, издатель торопил, — я в итоге финал кукишем скрутил, а книга в свет так и не вышла: издательство обанкротилось. С тех пор зарекся. Между прочим, в «Аксель-Принте» о моем суеверии прекрасно известно. Или он надеется, что все-таки передумаю?

— Да, еще одно дельце. Помните, у вас в девяносто первом выходила повесть в сборнике «Тиран Нозавр»?

— Помню.

— Первая серьезная публикация?

— Дебют.

— Какой там был тираж, не подскажите?

— Сейчас.

Иду к полке, извлекаю пухлый томик. Клыкастый рептилоид ехидно скалится с обложки: «Гюльчатаяй, открой личико!», холст, масло. Сливочное.

Лезу в выходные данные.

— Первый завод — 55 000.

— А второго не было?

— Насколько я знаю, нет. Издатель потом на ужасы с «Икс-ножками» переключился.

— Ясно. — Зам по особым излучает оптимизм. Бодрый бас плещет в трубке, обдавая ухо брызгами. — А как жизнь? Ну, вообще?

— Вообще? Ноу проблемз!

Бас набирает обертоны:

— Депрессия, бессонница? Кошмары?!

Уп-с! Что за гнусные намеки?!

— Жизнь прекрасна и удивительна. — Я беру мощную, качаловскую паузу. Насладившись, добавляю: — Удивительной жизнь становится в тот миг, когда перестает быть прекрасной. Короче, мне пока удивляться нечему. А роман пришлю по сети, как закончу.

— Рад, дорогой вы мой человечиче! Душевно рад! А то, знаете, писатели — народ тонкий, нервный... Увидимся на конвенте. Всех благ!

— До свидания.

Оригинальный разговор. Ну и тип этот Антип! Впору срочно завести дневник и записать гусиным пером: «Звонили из издательства. Хотели странного». Хотя в нашей стране победившего сюрреализма и не такое случается! Не забыть бы вещи в дорогу собрать: в среду — поезд.

Диван принимает блудного свина в теплые объятия.

Баю-баюшки-баю, чего вижу, то пою...

IV. Отсебятинa: «Лучший-из-людей»

Недостойный мерзавец, портящий вашу гостевую книгу, прочел месяца три назад ваш роман «Рабы страха». Разум и нежелание пачкаться сдерживали меня все это время, но, случайно перечитав в шестой раз данное произведение, я решаю плюнуть на потерю части самоуважения и прямо говорю вам, что, по моему необоснованному тупому быдляцкому мнению, эта книга — дерьмо.

Из писем в гостевую книгу В. Снегиря

А вот днем мне Ла-Ланг еще не снился.

В смысле — во время дневного сна.

Говорят, творческие люди должны много спать. Восстанавливая энергию, нервные клетки и жировые запасы, сожженные в топке вдохновения. Еще в сортир надо чаще ходить. Очень способствует. Когда не требует поэта к священной жертве Аполлон, в покой священный туалета он беззаботно погружен...

Портки с безрукавкой оказались на месте. В прошлый раз я, будучи испуган увиденным произволом, бегом вернулся в каморку, где и проторчал до «пшика». А застань меня «пшик» в исходной точке, — потом я нахожу имущество здесь, под рукой. Портки, например. Ларчик: нет, не бросил, приволок обратно. Молодец я. Жадина-говядина. Хотя и *натворил* себе этого добра с запасом, на всякий пожарный. Думаю, такие закономерности сна есть результат моих регулярных медитаций над коаном «Бытие определяет сознание». «Хлопок одной ладонью» перед сим шедевром дзена — что плотник супротив столяра. Поди раскумекай, кто же кого все-таки определяет. И куда.

Я помню, что я знаю, что мне снится то, что помню и знаю, а знаю я до хрена и больше.

Закон Снегиря.

Одевшись, трогаю спусковой камень. В смотровой щели вспыхивает язычок света. Черт, кого там принесло?! Моргаю, всматриваюсь. Снаружи ночь. Глухая и слепая калека-ночь. Пара факелов немилосердно чадит, освещая дальнюю часть молельни, ближе к внешнему портику. Там, собравшись кучкой, ждут какие-то люди. Без движения, без слов, без молитв и прошений. Кривая Тетушка из-за алтаря хмуро глядит на этих истуканов. Не нравятся они Кривой Тетушке, подательнице случайной удачи. Мне, надо заметить, они тоже не нравятся. Кошмары вообще редко нравятся. Мысленно произведя этимологию слова «факел» от «fuck you all», отчего нервы слегка успокаиваются, продолжаю смотреть.

Глаза слезятся, как от дозы атропина.

...пять недвижимых, пять спокойных, пять в широкополых шляпах...

Старые знакомые.

— Пора бы... Нежный Червь сказал: сразу после шестого гонга. — Оказывается, они умеют говорить. — А уже полседьмого. Меня старуха убьет.

— А когда ты в дом монеты приносишь, она тебя не убивает? Потерпит твоя старуха. Ей небось сосед терпеть пособляет.

— Тихо вы...

На этот раз я успеваю отчетливо засечь миг поимки. С вульгарным чавканьем в пентаграмме, образованной ждущими *хватами* (словечко найдено, и мне сразу легчает...), возникает голый дядька. Он очумело брыкается, когда хвататы бросаются крутить ему руки. Дядька зело тощ, худосочен, бороться с насилием явно не обучен и лишь вопит на всю молельню:

— Менты! Менты позорные! Остаться должен только один!

Батюшки! Это ж Горец...

— Даешь демократию! Свободу узнику режима!

- Барсак! Угомони Отщепенца!
- Всего один стакан! Только один!!!
- Барсак!

В восторге от сна, искренне люблюсь, как хвататы суют Горцу в пасть кляп. Вяжут руки, дают для острастки кулаком по хребту. Голый бомж скисает — мычит баритональным фальцетом, ежится, заискивая перед грубой силой.

Еле сдерживаюсь, чтоб не выскочить с советом. Дали б ему фьюшки хлебнуть, Горец бы за ними на карачках побежал. Хоть на край света.

- М-м-м... н-н-ты-ы-ыы!..
- Пошел! Иди, кому сказано!

Шаг, другой. Костлявый хребет бомжа вдруг начинает дребезжать, издавая мерзкий визг бормашины. Занимается огнем, словно от факела. Пламя — странное, белесое — мигом распространяется дальше, охватывая ягодицы, плечи. Горец вспыхивает бенгальской свечой, брызжет искрами...

Исчезает.

Оставив хвататов в недоумении.

— А Нежный Червь брехал: до следующего вечера не пшикнет...

— Кто брехал? Нежный Червь?! Сам ты брехун!

— Но ведь пшикнул...

— Нафири-су ругаться станет. Он жертву для Дождевания заказывал...

— Ага... задаток дал...

«Пшик» настиг меня внезапно. Я едва успел захлопнуть смотровую щель и рухнуть на любимый сундучок. Старец-Облако злорадно впился в зад мой острым краем: надо будет выбрать время, *натворить* себе напильник (по возможности дрочевый) и сточить у Старца зубы...